

Заключительное пленарное заседание совещания было посвящено восьмидесятилетию со дня рождения известного советского этнографа, историка и географа Н. И. Воробьева. С докладом о его жизни и творчестве выступила Р. Г. Мухамедова (Казань).

Совещанием была принята резолюция, положительно оценивающая основные направления исследований в области этнографии и археологии, и избрана координационная комиссия. Следующее совещание намечено провести в Уфе в конце 1976 г.

П. Н. Старостин, Р. К. Уразманова

СИМПОЗИУМ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЙЦЕВ

В связи с подготовкой коллективного исследования «Этническая история китайцев и проблемы формирования китайской нации» Институт этнографии АН СССР и Институт Дальнего Востока АН СССР провели 2—3 декабря 1974 г. очередной, третий симпозиум, посвященный вопросам, связанным с этнической историей древних китайцев и их соседей в V в. до н. э.— III в. н. э.¹ Этот период занимает важное место в этнической истории китайцев, так как именно тогда завершился процесс первоначального формирования древнекитайского этноса. Интенсивные контакты между отдельными государствами, существовавшими на Среднекитайской равнине накануне объединения страны Цинь Шихуаном (III в. до н. э.), а затем создание централизованных империй Цинь и Хань в значительной степени ускорили оформление этнической общности хуася, складывавшейся на протяжении нескольких предшествовавших столетий. Этническое самосознание хуася формировалось на основе представлений о единстве, связанном с общностью происхождения, культуры, языка и обычаев; по этим признакам хуася отличали себя от «варваров четырех стран света».

Целью симпозиума было детальное рассмотрение процесса трансформации этнической общности хуася в условиях существования централизованной империи и систематических контактов ее с соседними народами. Как подчеркнул в своем вступительном слове директор Института Дальнего Востока АН СССР М. И. Сладковский, углубленное изучение этой проблемы приобретает в современных условиях особую актуальность в связи с тем, что официальная историческая наука в КНР пытается фальсифицировать истинную картину межэтнических отношений в рассматриваемый период.

На симпозиуме были представлены доклады, которые группировались вокруг трех основных проблем.

Первая группа докладов была посвящена исследованию культуры древнекитайской этнической общности и характеристике ее самосознания.

Ю. Л. Кроль (Ленинградское отделение Ин-та востоковедения АН СССР) в своем докладе «Концепция „Китай—варвары“» проанализировал господствовавшие в древнекитайском обществе конфуцианские представления о «Чжун-го». По мнению докладчика, этот термин, который в более позднее время стал употребляться для обозначения Китая, в ханьское время сохранял еще свое первоначальное значение «Срединные государства» или «Центральные царства», что отражало реальность доциньского периода. Ю. Л. Кроль показал, что, согласно конфуцианским представлениям, географические условия той или иной местности определяли особенности психологического стереотипа ее населения. Идея об этнической исключительности жителей Чжун-го была тесно связана с концепцией культурных особенностей как неких врожденных свойств, изменить которые невозможно.

Доклад Ю. Л. Кроля вызвал оживленную дискуссию. Выступавшие согласились с его основными положениями. В прениях было также высказано мнение, что уже в ханьское время отдельные древнекитайские авторы начинают употреблять термин «Чжун-го» для названия всей империи Хань как этнической территории древних китайцев, т. е. в значении, принятом в более поздний период.

М. В. Крюков (Ин-т этнографии АН СССР) выступил с докладом «Формирование особенностей материальной культуры древних китайцев». Рассмотрев специфические формы материальной культуры древних китайцев в том виде, как они зафиксированы источниками эпохи Хань, докладчик попытался проследить закономерности их исторического генезиса. Выяснилось, что различные элементы материальной культуры, которые рассматривались в тот период как этнически значимые, обладают различной степенью стабильности. Среди них есть такие, которые, однажды возникнув, сохранялись без существенных изменений на протяжении поразительно длительного времени (манера запахивания халата направо, особенности прически, способ варки круп на пару и др.). С другой стороны, некоторые компоненты материальной куль-

¹ О работе первых двух симпозиумов см. «Сов. этнография», 1974, № 6, стр. 139—145.

туры сейчас воспринимаются как исконно китайские; между тем в действительности они возникли сравнительно поздно (обычай ношения штанов, употребление палочек для еды и т. д.). Само по себе формирование традиционных черт материальной культуры древних китайцев, а также тесно связанных с ними норм поведенческого стереотипа, проходило в процессе непрерывного взаимодействия различных по своему происхождению этнокультурных общностей.

В ходе обмена мнениями по докладу М. В. Крюкова был поднят вопрос о правомерности применения к этнической общности эпохи Хань термина «древнекитайский». Некоторые из выступавших настаивали на том, что данный этап формирования этой общности следует называть «протокитайским».

П. М. Кожин (Ин-т археологии АН СССР) познакомил участников симпозиума с результатами своих исследований по истории колесного транспорта в Китае в рассматриваемый период. Важнейшим качественным сдвигом в развитии повозки (колесницы) иньско-чжоуского типа было создание в эпоху Хань одинарной запряжки, пришедшей на смену более ранней парной. Это привело к существенным конструктивным изменениям: появлению оглобеля (вместо прежнего дышла), облегчению кузова и т. д. Если в предшествующее время колесница употреблялась исключительно как орудие ведения боя и имела значение своеобразной «престижной марки» аристократов, то теперь повозка стала в полном смысле слова средством транспорта. По мнению докладчика, указанные изменения в функциях колесницы коррелируются с развитием социально-экономических отношений в древнем Китае, в частности, с разложением общины и появлением мелкого крестьянского хозяйства.

Анализу погребального обряда ханьской эпохи был посвящен доклад С. И. Кучеры (Ин-т востоковедения АН СССР). Используя недавние археологические находки близ Маньчэна и Сюйчжоу (КНР), докладчик рассмотрел историю возникновения древнекитайского обычая облачать умерших в одеяния из нефритовых пластинок. Сообщения о подобном ритуале, содержащиеся в некоторых письменных памятниках, долгое время не могли быть проанализированы с достаточной полнотой и точностью. Однако раскопки, произведенные в 1968—1969 гг., обнаружили в погребениях представителей высшей знати ханьского времени нефритовые одеяния, шитые золотыми и серебряными нитями. Проследив особенности более ранних представлений, связанных с нефритом, С. И. Кучера пришел к заключению, что этот обычай связан с верой в магическую силу нефрита, способного предохранить тело усопшего от разложения.

Вторая группа докладов, представленных на симпозиум, была посвящена проблеме языка и письменности.

М. В. Софронов (Ин-т Дальнего Востока АН СССР) в докладе «Древнекитайский язык и диалекты эпохи Хань» детально проанализировал словарь «Фанъянь», составленный Ян Сюном в I в. до н. э. Этот диалектологический лексикон содержит три основные категории слов: 1) общеупотребительную лексику, понятную на всей территории Ханьской империи; 2) слова, характерные для отдельных кюйне; 3) диалектальную лексику, распространенную в том или ином районе страны. Изучение изоглосс «Фанъяня» позволяет представить этнолингвистическую ситуацию в Ханьской империи и дать материал для суждений о степени консолидации древнекитайского этноса. Указания Ян Сюна на границы распространения выделенных им диалектов чрезвычайно важны для определения реальной территории расселения ханьского этноса в III в. до н. э.—III в. н. э.

М. В. Старостин (МГУ) представил доклад, выводы которого во многом переключаются с предыдущим. Но в данном случае автор использовал совершенно иные источники, а именно — стихотворные произведения ханьского времени, позволяющие судить о системе рифм. Различия в рифмах, прослеживающиеся по произведениям отдельных ханьских поэтов, также дают представление о территориальном размещении диалектов той эпохи.

При обсуждении доклада М. В. Старостина некоторые из выступавших, признавая плодотворность предложенного автором подхода к проблеме, вместе с тем указали на необходимость более глубокого текстологического и источниковедческого анализа сочинений, отобранных для исследования.

А. М. Карапетьянц (Ин-т стран Азии и Африки при МГУ) рассмотрел исторические и функциональные различия в древнекитайских летописях VIII—V вв. до н. э. и ханьских комментариев к этим летописям, а также сформулировал свою точку зрения на сущность традиционного канона, оказавшего впоследствии большое влияние на идеологию и культуру Китая. Понимание этого вопроса важно для определения форм и общего направления формирования этнической традиции в Китае.

Третья группа докладов была связана с широким кругом вопросов взаимодействия между формирующимся китайским этносом и соседними этнокультурными общностями.

Э. А. Новгородова (Ин-т востоковедения АН СССР) доложила о наиболее существенных результатах своих многолетних археологических исследований на территории МНР. Проследивая развитие культуры племен, населявших степные пространства Монголии во II—I тыс. до н. э., она продемонстрировала глубокое своеобразие исторических путей развития местного населения, неизменно именовавшегося в официальных китайских источниках «северными варварами», но в действительности достигшего высокого уровня культуры. В результате постоянных контактов северные

соседи оказали влияние на формирование особенностей материальной культуры Китая ханьского времени.

Выступая в связи с докладом Э. А. Новгородовой, И. М. Золотарева (Ин-т этнографии АН СССР) привела данные, касающиеся динамики распределения антропологических типов на территории древней Центральной Азии. Она обратила внимание на возможность относительно быстрой смены антропологического типа на одной и той же территории, что часто бывает связано с миграциями населения, а не только с собственно антропологическими причинами. В качестве примера И. М. Золотарева привела территорию Монголии, где современное население, бесспорно, принадлежит к центральноазиатской расе, в то время как в I тыс. н. э. здесь почти повсеместно существовали антропологические типы смешанного или даже почти европеоидного облика. В выступлении было высказано предположение, что значительное выравнивание распределения антропологических характеристик в разных территориальных группах монголов произошло за счет массового передвижения населения из северо-восточной части Монголии на запад и на юг.

В. С. Старииков (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в своем докладе говорил об особенностях этнического взаимодействия коренного населения Южной Маньчжурии с китайскими переселенцами, появившимися здесь в последних веках до нашей эры. С необходимостью противостоять агрессии древнекитайских государств докладчик связывает появление в Южной Маньчжурии первых городов и «поселков городского типа». В ханьское время население этого региона продолжает сохранять свои прежние этнические и культурные традиции.

В докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Ин-т этнографии АН СССР) «Ханьские барельефы из Шаньдуна и миф о Тангуне» показано, что некоторые сюжеты каменных барельефов Улянцы (Шаньдунский п-ов) получают объяснение в свете древнекорейских этногенетических мифов, в частности, мифа о Тангуне. Является ли этот факт отражением родства древнего населения Шаньдуна с древнекорейскими племенами или здесь следует видеть следы корейского влияния на ханцев, заселивших к последним векам до нашей эры весь Шаньдун, покажут дальнейшие исследования.

С. И. Кучера (Ин-т востоковедения АН СССР) в своем докладе «Некоторые вопросы истории Турфана» рассказал о связях населения этого района с империей Хань и о результатах их политических и культурных контактов.

Выступая в прениях по этому докладу, Б. А. Литвинский (Ин-т востоковедения АН СССР) указал на необходимость использования не только китайских, но и других источников по истории Восточного Туркестана, в том числе археологических.

Р. Ф. Итс (ЛГУ) посвятил свой доклад проблеме взаимодействия между ханьской культурой, активно распространявшейся в III в. до н. э.—III в. н. э. в южном направлении, и местными культурами, прежде всего культурой Чу. На основе данных о раскопках погребений в Чанша и близлежащих районах, докладчик пришел к выводу об устойчивых культурных традициях сохранившихся у местного населения в течение длительного времени после присоединения этой территории к Циньской, а затем к Ханьской империи. Уже в V—III вв. до н. э. культура господствующего класса в Чу испытала древнекитайское влияние. Но даже творчество такого чуского поэта, как Цюй Юань, вошедшее в сокровищницу китайской литературы, обнаруживает вполне очевидные местные черты.

Историческую недостоверность представлений о том, что вся территория, номинально присоединенная к Ханьской империи в результате завоевательных войн II—I вв. до н. э., стала в этот период китайской, показал в своем докладе Д. В. Деопик (Ин-т стран Азии и Африки при МГУ). Более того, такие районы, как Фуцзянь и большая часть Гуйчжоу, даже формально не входили в эту эпоху в состав Хань. Существование в Гуандуне, Гуанси и Юньнани таких крупных этнополитических объединений, как наньвет (наньюэ), дянь и др., свидетельствует о том, что определяющим моментом этнического развития этих районов была история коренного населения.

П. В. Познер (Ин-т востоковедения АН СССР) представил доклад «Ба и Шу в древнекитайских письменных источниках». Изучив упоминания о царствах Ба и Шу (совр. Сычуань) в «Шаншу», «Чуньцю», «Цзочжуань» и «Шицизи», докладчик пришел к выводу, что сведения об участии этих царств в походе чжоусцев на столицу Инь являются позднейшей интерполяцией. Ба и Шу реально выступают на политическую арену лишь через несколько веков после чжоуского завоевания. Успех Лю Бана, основателя династии Хань, в его борьбе с Сян Юем после падения Циньской империи в значительной мере объясняется тем, что он опирался на царства Ба и Шу и использовал враждебность местного населения к жителям Средних царств.

Важно подчеркнуть, что подавляющее большинство докладов было посвящено ранее совершенно не разработанным вопросам. Результаты симпозиума представляют собой значительный шаг вперед в изучении этнической истории народов Восточной Азии.

Очередной, четвертый, симпозиум предполагается посвятить проблемам этнического развития Китая в средние века.

М. В. Крюков